

Сергей РАУ

Доцент кафедры конфликтологии института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат политических наук. Занимался исследовательской работой в области национальной безопасности на примере деятельности спецслужб СССР в Испании (1936-1939), Афганистане (1979-1989). Автор историко-документальных книг «НКВД СССР в Испании. 1936-1939», «Сотрудники НКВД СССР в Испании. 1936-1939», «Чекисты Ленинграда в Афганистане. 1979-1989», «Особые отделы КГБ СССР в Афганистане. 1979-1989».

Кольцо надежды из лагеря смерти

С Ольгой Ипполитовной Смирновой мы встречались неоднократно: и в её скромной петербургской квартирке, и в Музее политической истории на улице Гороховой: здесь нередко собираются наши общие друзья — бывшие и нынешние чекисты. А также многочисленные любители и знатоки истории отечественных спецслужб. Мы вели с ней долгие душевные разговоры за чашкой чая. Чувствовалось, что этой необыкновенной женщине хотелось выговориться. Судьба её, и в самом деле, сложилась непросто.

Я постараюсь передать этот рассказ так, как услышал его из уст самой девяностолетней петербурженки — всегда бодрой и энергичной, не утратившей искренности, душевной открытости и теплоты, а главное — огромной любви к миру и неподдельного интереса к жизни.

На Васильевском острове, где протекали школьные годы маленькой Оли, в соседнем доме проживала молодая женщина, немка. Она же была учительницей немецкого языка в Олиной школе. Девочка была частой гостьей в доме учительницы, подолгу задерживалась после уроков. Видя явные наклонности Оли к изучению иностранного языка и культуры, её любознательность и доброжелательный характер, опытный педагог легко передавала школьнице свои знания. К выпускному девушка говорила и писала по-немецки почти как этническая немка.

Как рассказала Ольга Ипполитовна, политическое напряжение в 1940 году достигло такого уровня, что никто уже не сомневался: война не за горами. В июне 1941-го девушке исполнилось семнадцать лет. После объявления войны Ольга добровольцем записалась в отдельный истребительный батальон НКВД, в котором прослужила медицинской сестрой до конца 1941 года. Батальон принимал самое активное участие в ожесточённых боях на знаменитой Невской Дубровке. Во время одного из воздушных налётов Ольга была тяжело ранена и несколько месяцев провела в госпитале. Там она познакомилась с сотрудником Управления НКВД по Ленинграду Алексеем Петровичем Гвоздарёвым.

В то непростое для страны время капитан Гвоздарёв занимался подбором и подготовкой юношей и девушек в диверсионно-разведывательные группы с целью дальнейшей заброски в тыл к противнику. Безусловно, ставка делалась на физически развитых молодых людей, желательным, владеющих немецким языком. В условиях замкнувшегося кольца блокады, огромных людских потерь, жесточайшего военного противостояния, требовавшего мобилизации всех ресурсов, крайне остро стоял вопрос получения оперативной информации о дислокации воинских частей вермахта.

Времени для тщательной подготовки разведывательно-диверсионных групп у сотрудников управления НКВД не было, а был лишь приказ — любой ценой получить требуемую информацию или уничтожить тот или иной объект. На подготовку диверсионно-разведывательной группы из пяти-семи человек уходило тогда всего две или, максимум, три недели. За этот короткий срок их обучали технике минирования, стрельбе из огнестрельного оружия, ориентированию на местности, обеспечению документов, отработанной ленинградскими разведками готовились отдельно, но из-за нехватки аппаратуры они присутствовали не во всех отрядах.

Особенно тщательно отработывалась линия поведения разведчиков в случае столкновения с представителями секретных контрразведывательных и карательных служб фашистской Германии. Легенда прикрывала, согласно которой группа продвигалась по оккупированной территории, должна была быть убедительной и не вызывать ни тени сомнения. В противном случае разведчиков ждала неотвратимая и мучительная смерть. Такое, особенно в начальный период войны, случалось, увы, довольно часто.

Ольгу готовили индивидуально. Она получила задание собрать дополнительную информацию о частях, находившихся в ближайшем тылу — в районе Пулковских высот. Согласно легенде, отработанной ленинградскими чекистами, молодая «актриса» одного из районных клубов бежала из блокадного города в поисках работы и более-менее «сытой жизни» на оккупированных территориях. У неё в кармане полшубка лежал пропагандистский листок, который являлся пропуском для тех, кто хотел добровольно перейти на сторону врага. Листочки в обилии разбрасывали с самолётов противника. У разведчиков имелись, конечно, документы на вымышленную фамилию.

Линию фронта Ольга переходила в середине февраля по льду Невы и в

течение первого дня благополучно миновала несколько постов. Но уже на вторые сутки девушку злобно допрашивал придирчивый следователь гестапо. Её содержали в отдельной камере и избивали ежедневно в течение двух месяцев. Только Бог знает, какие изверские пытки и мучения перенесла девушка кусочком штукатурки нацарапала на стене камеры: «Умираю, но не сдаюсь! Ольга Смирнова из Ленинграда».

В это трудно поверить, но в апреле 1945-го одноклассник Ольги, молодой сержант, ворвавшись в составе штурмового подразделения в здание тюрьмы, прочитал эту надпись. Позже, вернувшись в Ленинград, он сообщил друзьям, что Оля Смирнова героически погибла в фашистском застенке. Так девушку «похоронили» в очередной раз.

Вероятно, история молодой советской патриотки действительно могла бы прерваться в берлинском застенке, но помог случай. Во время одного из налётов англо-американской авиации тюрьма, где содержали Ольгу, была полностью разрушена. Под покровом темноты и ввиду временного отсутствия охраны девушка выскользнула на улицу. Тогда она, мысленно обратившись к высшим силам, поклялась сама себе:

«Если останусь в живых — обязательно рожаю троих детей!». Забегая вперёд, замечу: Ольга была переводчицей, попытка побега, которая закончилась неудачей. А в сопроводительных документах фашистской канцелярии девушка получила клеймо закоренелого врага Рейха, «склонного к побегу» и политически неблагонадежного.

С такой характеристикой Ольга попала на один из военных заводов «Маузер Вернер», где вступила в контакт с группой антифашистов. Разведчица не оставляла мысли быть полезной своей стране в борьбе с врагом. Она активно занималась пропагандой, саботажем, скрытым вредительством и упорно боролась с теми, кто активно сотрудничал с фашистами, собирала информацию военного характера.

Естественно, в первую очередь, для кадрового агента НКВД стоял вопрос о передаче в центр собранной информации. Ольга пыталась найти немцев, лояльных к Советскому Союзу. Пользуясь отличным знанием языка, она однажды вступила в контакт с одним из инженеров. Как выяснилось, убеждённым антифашистом. Вскоре, рискуя жизнью, он начал передавать «на волю» ценную информацию, в которой так нуждалось сопротивление.

До последнего дня жизни Ольга Ипполитовна вспоминала этого смелого молодого немца. Кроме того, инженер тайно доставлял девушке и её друзьям продовольственные пайки и тем самым, несомненно, спас её от полного истощения и смерти. Немецкого патриота звали Хольт, и ему было в то время около тридцати лет.

Однако, в конце концов, неспасаемая русская попала в поле зрения агенты гестапо. Ольгу перевели в тюрьму, расположенную на площади Александрплац в Берлине, где содержали наиболее опасных противников фа-

шистского режима. Там технологии мастеров из гестапо по «вышибанию» показаний были доведены до совершенства. В этом каменном мешке человека «ломали», превращали в живой биштекс, а затем, используя металлическую петлю, лишали жизни. Слабющей рукой, замученная садистами из гестапо, но несломленная советская девушка кусочком штукатурки нацарапала на стене камеры: «Умираю, но не сдаюсь! Ольга Смирнова из Ленинграда».

В это трудно поверить, но в апреле 1945-го одноклассник Ольги, молодой сержант, ворвавшись в составе штурмового подразделения в здание тюрьмы, прочитал эту надпись. Позже, вернувшись в Ленинград, он сообщил друзьям, что Оля Смирнова героически погибла в фашистском застенке. Так девушку «похоронили» в очередной раз.

Вероятно, история молодой советской патриотки действительно могла бы прерваться в берлинском застенке, но помог случай. Во время одного из налётов англо-американской авиации тюрьма, где содержали Ольгу, была полностью разрушена. Под покровом темноты и ввиду временного отсутствия охраны девушка выскользнула на улицу. Тогда она, мысленно обратившись к высшим силам, поклялась сама себе:

Самым тяжёлым и изнурительным моментом в распорядке дня был подъём, который проходил в 4 часа утра и

После её окончания каждой узнице выдавали двести грамм хлеба и полстакана холодного кофе. Только молодые и очень сильные от природы могли выжить в этом земном аду, созданном сумрачным извращённым фантазмом национал-социализма.

Тёмный, душный дым крематория напоминал всем о «преимуществах» Третьего рейха — «самой свободной» страны в Европе, создавшей уникальную систему расового превосходства, уничтожения свободы слова и человека. Горы пепла, образовавшиеся после уничтожения трупов в крематории, сбрасывали в живописное озеро Шведтзее, находившееся неподалёку.

От Ольги Ипполитовны я слышал легенду, что в майские дни в последние лучах уходящего солнца над озером можно увидеть сияние радуги и услышать лёгкий звон. Она утверждала: это тысячи душ замученных девушек и женщин стонут о своей несостоявшейся любви, призывая ныне живущих к миру и состраданию. «Это нужно только суметь услышать», — уверяла, понизив голос, Ольга Ипполитовна.

В конце 1944 года Ольгу в составе группы узниц Равенсбрюка направили в Берлин для работы на секретном заводе. Там благодаря своему природному обаянию девушка познакомилась с другим здравомыслящим немцем, майором вермахта Клаусом. Убедившись в его скрытых симпатиях к России, улучив момент, она доверительно сообщила, что состоит в группе антифашистов, которые готовят восстание в лагере. Ольга убила майора, что война Третьего рейха проиграна и дальнейшее сопротивление бессмысленно.

Во время одной из встреч Клаус доложил девушке, что его отправляют на восточный фронт, в район окружённого Ленинграда. В ответ Ольга предложила майору не рисковать жизнью, а при первой возможности сдаться в плен. Разведчица передала ему ценную оперативную информацию и медное кольцо со своими инициалами. Сведения предназначались для сотрудника НКВД Гвоздарёва, а кольцо она просила передать своему отцу Ипполиту Артамоновичу. «Ты скажи папе, что со мной всё в порядке, и я обязательно вернусь», — прошептала Ольга на прощанье.

Клаус действительно при первой возможности перешёл на сторону советских войск, был тщательно допрошен сотрудниками «Смерш» и привлечён к сотрудничеству. Он добросовестно работал переводчиком, а после окончания войны вернулся в Восточную Германию.

Информация, переданная Ольгой, попала в Управление НКВД по Ленинграду и Ленинградской области. Чекисты разыскали отца девушки, вручили ему кольцо и сообщили главное: Ольга жива. Так в семье Смирновых появилась не только надежда, но и драгоценная реликвия, символизирующая несгибаемый характер отважной дочери.

Весной 1945 года руководителями СС было принято решение о ликвидации заключённых в лагерях смерти. Колонну измучённых женщин Равенсбрюка направили на уничтожение. Во время марша район, где проходили узницы, подвергся налёту авиации союзников. Часть охраны была перебита, и это дало шанс десятку женщин вновь обрести свободу — пусть даже на час!

Многочисленно рискуя жизнью, под видом беженки, утратившей во время

пожара документы, разведчица продвигалась на Восток, навстречу наступавшей советской армии.

В итоге линию фронта Ольга перешла в составе... отделения солдат вермахта, предварительно склонив их утратившего всяческую браваду командира к сдаче в плен русским. Ольга встретила Победу в составе советской танковой бригады, где осталась переводчиком, и до 1947 года работала в Германии, в группе советских войск.

Вернувшись на родину, разведчица активно включилась в мирную жизнь, ведь ей тогда исполнилось — всего-навсего! — 24 года.

В конце 1950-х, во время традиционной встречи ветеранов НКВД-МГБ, Ольга встретила седого, но ещё подтянутого офицера. Она узнала его сразу, это был Алексей Петрович Гвоздарёв. В тот вечер они проговорили допоздна, да и было о чём. Рассказывала в основном она, а седой, много испытавший мужчина, не скрывая сухих слёз, только слушал и чуть кивал, вновь и вновь сопереживая её удивительной и страшной судьбе.

Расставаясь, Гвоздарёв признался: он считал Ольгу погибшей дважды — после того, как её группа не вернулась с задания, а второй раз уже после окончания войны, когда узнал историю о медном кольце и секретной информации, переданной из лагеря смерти.

Позднее Ольга Ипполитовна вела переписку с жёнами Юлиуса Фучика, Эрнста Тельмана, Гельмута Коля. Как бывшая узница Равенсбрюка, многократно выезжала в Германию на встречи, посвящённые памяти жертв фашизма. Она часто в задумчивости стояла на берегу того самого озера Шведтзее, и ей казалось, что она вновь слышит печальное голоса двух замученных женщин, чей прах растворился в призрачных водах...

Последний раз мы виделись с Ольгой Ипполитовной летом 2014 года, на юбилее её сына и моего друга Андрея Смирнова, бывшего сотрудника и ветерана группы спецназа КГБ СССР.

Надо сказать, что все эти годы Ольга Ипполитовна безошибочно узнавала по именам буквально каждого из нас, многочисленных друзей и соратников её сына. Заслуженная бабушка торжественно сидела во главе стола в окружении детей, внуков, правнуков. Это была счастливая женщина с особенно яркими глазами. Она пела русские и цыганские романсы и танцевала так, что многим было завидно.

Спустя месяц после этого вечера Ольга Ипполитовна не стало...

Похоронили её за деревней Колтуши, которую она считала своей малой родиной, среди звенящих брёв на высоком холме. Сейчас это удивительно тихое место, крохотная пядь русской земли, которую так любила и которую с такой отвагой, страстью и самоотверженностью защищала от врага юная ленинградка, комсомолка и патриотка Оля.

Родина высоко оценила заслуги своей верной дочери. Ольга Ипполитовна была награждена двумя орденами Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За оборону Ленинграда», «Мать-героиня» двух степеней.

Скромные же головы перед её светлым образом.